

Как реорганизовать Европу

Необходимо выработать институциональные механизмы двухскоростного развития Европы, которые укрепят ее позиции на мировой арене и позволят пересмотреть политическую повестку дня | **МАРК ЛЕОНАРД**

В след за кризисом евро встает гораздо более масштабная и фундаментальная проблема — надвигающийся крах политической системы Европейского союза. Под давлением рынков пришлось уйти в отставку Сильвио Берлускони и Георгиосу Папандреу. Рынки раздражены медленными темпами принятия решений, что способствует смещению кризиса с периферии в ведущие экономики еврозоны. Трейдеры в ярости, а европейские лидеры между тем мелкими шажками продвигаются к соглашению относительно мер, которые необходимо принять для спасения евро. И хотя для них самих очевидно, что «Европы нужно еще больше», они не знают, как убедить в этом своих граждан, рынки, парламенты и суды. В этом и заключается причина политического кризиса в Европе: интеграция одновременно и необходима, и невозможна.

Экономическая необходимость интеграции понятна. Чтобы справиться с дисбалансами в еврозоне, которые привели к неплатежеспособности некоторых банков, непомерным государственным долгам и ценовым пузырям на рынке недвижимости, единое валютное пространство нуждается в большей интеграции, и разногласий по этому

поводу все меньше. Многие теперь считают, что финансовый союз должен быть дополнен экономическим и даже политическим союзом. Между членами Евросоюза сохраняются разногласия относительно деталей, но большинство экономистов выделяют пять ключевых элементов: создание своего рода европейского министерства финансов, призванного разработать налогово-бюджетные правила, а затем обеспечить их соблюдение; способность наращивать собственные ресурсы; создание единой системы банковского надзора, регулирования и страхования вкладов; общее представительство в международных организациях, а также механизм для обеспечения демократической легитимности этих процессов.

Однако то, что представляется необходимым с экономической точки зрения, с политической точки зрения невозможно. Меры, необходимые для спасения евро, могут быть заблокированы под воздействием целого ряда обстоятельств: под влиянием протестов налогоплательщиков в государствах-кредиторах, таких как Германия, Финляндия, Нидерланды и Словакия, или протестов против жесткой экономии в государствах-должниках, таких как Греция и Испания; под угрозой референдумов в таких странах, как Ирландия или даже Франция; на основании судебных постановлений, например Конституционного суда Германии, либо в

ПЕРЕВОД ЭССЕ МАРКА ЛЕОНАРДА (MARK LEONARD) "FOUR SCENARIOS FOR THE REINVENTION OF EUROPE" © 2011, EUROPEAN COUNCIL ON FOREIGN RELATIONS. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ EUROPEAN COUNCIL ON FOREIGN RELATIONS

результате обвала рынков или изменения финансовых рейтингов. Между тем теряющий свои позиции Дэвид Кэмерон уже обещал «заднескамеечникам»-евроскептикам, что Великобритания поддержит изменения в договоре, только если будут пересмотрены условия ее членства в ЕС.

Хотя элиты во всей Европе знают о существующих опасностях и, как правило, стремятся искать решения на общеевропейском уровне, глубинные причины кризиса в разных странах видятся по-разному. Поскольку лидеры не спешат признавать легитимность опасений и позиций других стран, в Евросоюзе до сих пор нет настоящего консенсуса по поводу мер, с которыми могли бы согласиться как страны-кредиторы, так и страны-должники. При отсутствии общего понимания причин кризиса и ответственности за него странам еврозоны и ЕС гораздо труднее предупредить кризис и убедить рынки, что они действительно готовы сделать все необходимое, чтобы остановить цепную реакцию¹.

В действительности же кризис еще больше разделяет европейские страны и создает ощущение «внутриевропейского “столкновения цивилизаций”»². Фактически в Европе формируются три блока: германский, который добивается жесткой экономии и соблюдения правил; латинский, который хочет развиваться; и наконец, англосаксонский, желающий ослабить связи с ЕС в целом. Безусловно, в основе этих блоков лежат лицемерие и ложная информация: так, страной, самым грубым образом нарушившей Пакт о стабильности и росте (*Stability and Growth Pact, SGP*), оказалась Германия; Испания, отвечающая всем маастрихтским критериям, сползает в кризис; а итальянцы имеют очень низкий уровень государственной задолженности. Тем не менее, исходя из подобного восприятия, северные страны-кредиторы не хотят «трансферного союза»; страны Восточной Европы настаивают

на том, что и другие члены ЕС должны провести болезненные реформы, через которые прошли они сами; а должники всячески сопротивляются мерам жесткой экономии, к которым их принуждают.

Таким образом, на европейских лидерах, с одной стороны, давят глобальные рынки, которым уже надоели столь длительные процедуры принятия многосторонних решений, а с другой – избиратели, которые больше не желают мириться с глобализацией. Рассматривая различные сценарии интеграции еврозоны, лидеры ЕС пытаются найти возможности для маневра между двумя этими крайностями. Европа должна выработать институциональные механизмы двухскоростного развития, которые не ослабят, а, напротив, укрепят ее позиции на мировой арене и позволят пересмотреть политическую повестку дня, чтобы вновь прийти к согласию со своими гражданами. Бывший министр иностранных дел Великобритании Дэвид Милибэнд провел различие между двумя кризисами, с которыми столкнулась Европа: острым кризисом евро, требующим укрепления европейского ядра, и хроническим кризисом, связанным с общим смещением власти на восток, что требует большей интеграции европейской периферии в Европу. Разрешая острый кризис, Европа должна избегать углубления хронического кризиса.

Технократия и популизм: Жан Монне против Марин Ле Пен

Если ключевая экономическая проблема еврозоны сводится к созданию общей валюты без общего казначейства, то ее политическая дилемма заключается в разработке механизма совместного принятия политических решений без общей политики. Европейский союз создавался в то время, когда граждане выказывали уважение друг к другу и отношения между государствами ставились выше

политики. Таким образом, у избавленных от серьезных политических дебатов национальных лидеров было достаточно возможностей, чтобы разрабатывать далеко идущие внешнеполитические планы. Но после подписания Маастрихтского договора двадцать лет назад, когда ЕС так или иначе стал проникать во внутреннюю политику, этот «мягкий консенсус», не налагающий слишком строгих ограничений (*“permissive consensus”*), начал ослабевать. С тех пор европейская интеграция стала определяться не разви-

европейского рынка до общего внешнеполитического курса.

Поскольку строительство Евросоюза шло поэтапно, технократам удавалось снижать политическую температуру в столицах стран-участниц и добиваться согласия между бюрократами, которые были заинтересованы гораздо больше в том, чтобы заключить соглашения, а не в том, чтобы привлечь к себе внимание национальных СМИ. Сначала было создано объединение угля и стали, затем таможенный союз, потом единый рынок и, наконец, единая

“Повседневная жизнь Евросоюза всегда определялась практическими запросами, а не грандиозными политическими концепциями”.

тием единой континентальной политики, а двумя противоречащими, но в то же время подпитывающими друг друга началами, которые действуют как на европейском, так и на национальном уровне, — технократией и популизмом.

С одной стороны, ЕС всегда был предельно технократической сферой. Это правда, что в самом начале реализации европейского проекта интеграция направлялась такими гигантами, как Шуман, Аденауэр и де Гаспери, а позже — такими как Жискард д’Эстен, Шмидт, Коль и Миттеран. Но повседневная жизнь Евросоюза всегда определялась практическими запросами, а не грандиозными политическими концепциями. «Метод Монне» — названный так в честь главного архитектора европейской интеграции, французского чиновника Жана Монне — имел целью достижение консенсуса среди европейских дипломатов в отношении ограниченного числа проектов, которые предполагали практическую трансграничную интеграцию. Идея состояла в том, что каждый такой проект будет способствовать интеграции и в других направлениях — от единого

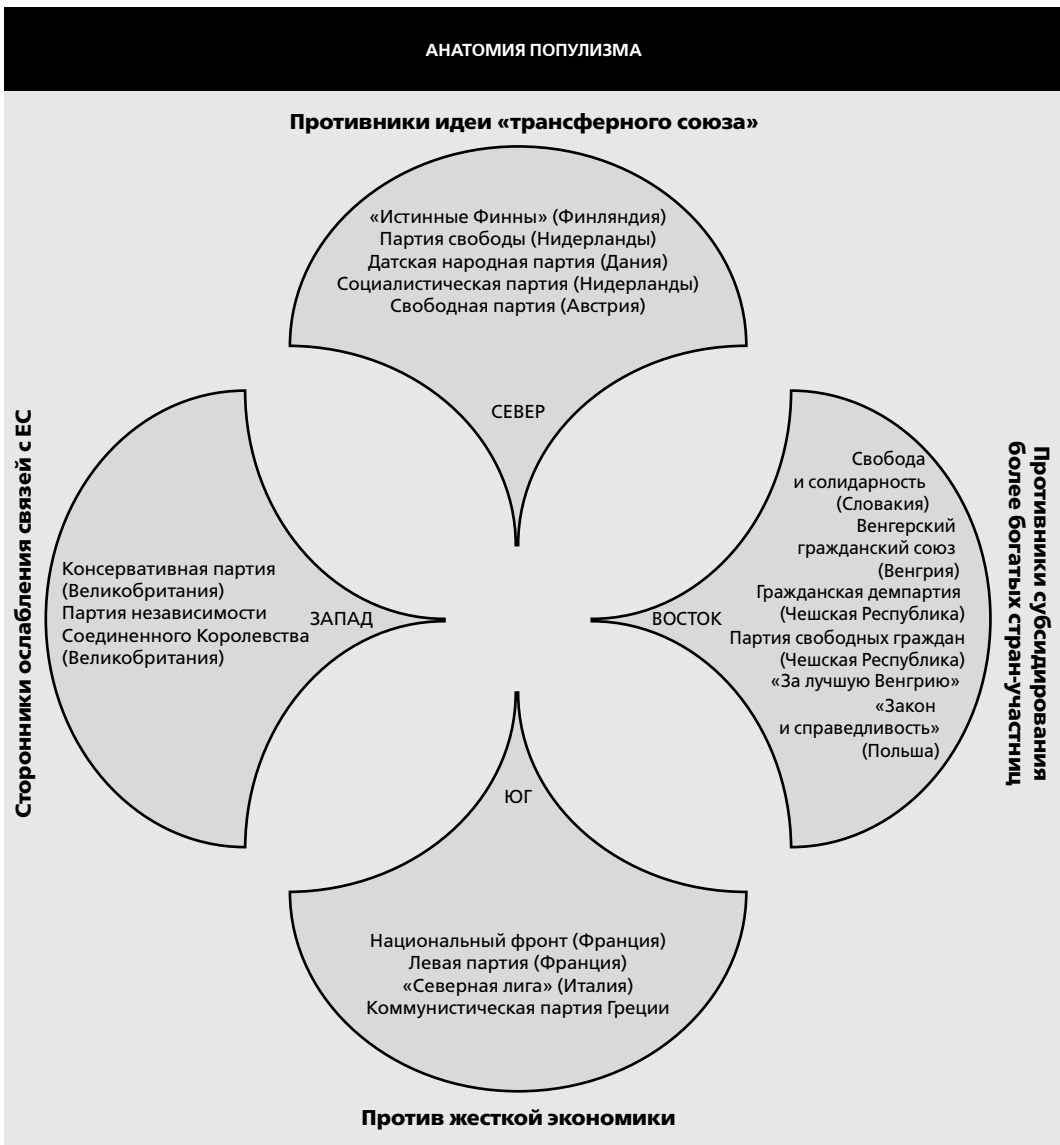
валюта. Но по мере вызревания Евросоюза как политического проекта сам успех его как бюрократического феномена вызвал сильную популистскую реакцию на национальном уровне.

Все началось в Великобритании в 1980-е годы, со знаменитого демарша Маргарет Тэтчер против Европы. Но то, что начиналось как локальный феномен, постепенно — после Маастрихта — развилось в панъевропейскую силу, воплощенную в настоящее время в таких разнородных составляющих, как Герт Вилдерс, «Истинные Финны», Умберто Босси и Марин Ле Пен. Популисты сейчас есть и на севере, и на юге, и на востоке, и на западе, причем как левого, так и правого толка (см. рис. 1 на с. 18). Но хотя идеологии у них различны, все они разделяют мнение, что политика стала прерогативой элит, которые служат себе, а не простым людям. В частности, они изображают Европейский союз как заговор с целью создания «Европы против народа» и, со своей стороны, хотят мобилизовать «народ против Европы», что ведет, по словам одного высокопоставленного голландского дипломата, к разрушению Евросоюза «демократическими средствами».

С точки зрения многих популистов, ЕС заботится о благосостоянии крупного бизнеса и банков, устраняет контроль на границах и защищает меньшинства на своей территории, в то же время способствуя распространению глобализации за своими пределами. По словам Ле Пен, это ведет к новому расколу между так называемыми

основными партиями и новыми популистскими движениями: «И левые, и правые выступают за ЕС, евро, свободную торговлю и иммиграцию, — говорит она. — В течение тридцати лет они мало чем отличались; реальная линия раздела сейчас проходит между сторонниками глобализации и националистами»³.

Рис. 1

Технократия и популизм прямо противоположны: одна опирается на искусство менеджмента, другой — на харизму; одна выступает за постепенные изменения, другой привлекает пышной риторикой; одна сосредоточена на решении конкретных проблем, другой — на политике идентичности. Разные у них и модели легитимности. Технократы стремились укреплять легитимность Евросоюза, пытаясь достичь положительных результатов для различных групп интересов (предпринимателей, фермеров, учащихся и т. п.). Популизм же появился в тот период, когда средством политической организации служат не заводы и не партийные собрания, а Интернет. Требования популистов сосредоточены на том, чтобы поставить во главу угла идентичность.

Несмотря на то что европейская технократия и национальный популизм противоположны, они вместе с тем усиливают друг друга. На европейском уровне мы можем наблюдать это на примере длительной истории Лиссабонского договора. В 2005 году жители Франции и Нидерландов отвергли европейскую конституцию, но европейские лидеры ответили на это технократическим решением, позволившем обойти общественное мнение. Таким образом, с одной стороны, по мере того как лидеры ЕС пытаются вывести европейскую интеграцию из сферы внутренней политики, легитимность Евросоюза становится все более хрупкой, а это, в свою очередь, означает, что политики намерены и дальше уклоняться от общественного мнения. С другой стороны, по мере того как ЕС становится все более технократическим, призывы к демократии и референдумам звучат все громче, что расчищает почву для популистских партий.

В Италии и Греции ситуация свидетельствует об обратном: там национальный популизм может вызвать ответную технократическую реакцию. Здесь европейские рынки по

сигналу Ангелы Меркель и Николя Саркози вынудили уйти в отставку Берлускони и Папандреу. Берлускони был наказан за свой популизм, а Папандреу — за то, что не сумел стать достаточно сильным, чтобы управлять. Как сказал Тони Барбер: «Во имя спасения валютного союза европейские лидеры предпочитают временно отстранить от должности политиков, как это произошло в Греции и Италии, и заменить их на внепартийных управленцев. Политический курс тамошних правительств будет контролироваться (если не сказать — формироваться) в первую очередь в Брюсселе и Франкфурте, в штаб-квартире Европейского центрального банка (ЕЦБ), и проводиться в жизнь греческими и итальянскими специалистами, имеющими схожие общеевропейские взгляды»⁴.

Возможно, краски здесь несколько сгущены: оба новых правительства приступили к работе не только с благословения европейских властей, но и при широкой поддержке общественности, которая в обоих случаях явно предпочла новым выборам создание переходного правительства. Тем не менее результат таков, что кризис, вместо того чтобы вывести демократию на общеевропейский уровень, привнес технократию на национальный уровень. Проблема в том, что будет, если технократы потерпят неудачу. Популисты уже постепенно берут в кольцо новые правительства и в Греции, и в Италии.

Итак, от Афин до Хельсинки элиты сейчас оказались зажатыми в тиски между разрушительной мощью диких рынков и евроскептиками-популистами. В Германии, похоже, реагируют на сложившуюся ситуацию двояким образом: ее политики вновь и вновь прибегают к традиционной проевропейской риторике, в то время как ее технократы в ЕЦБ и Конституционном суде фактически выступают заодно с таблоидами, предлагая евроскептическую повестку дня. В остальных частях Европы популисты определяют

политические возможности всех партий. В Словакии предельно космополитичное, проевропейски настроенное правительство выступило против финансовой помощи Греции (хотя и пояснило при этом, что совсем не по-европейски ожидать, чтобы такая бедная страна, как Словакия, помогала богатым в сравнении с нею государствам-должникам). В Финляндии коалиция убежденных проевропейских политиков подписала соглашение о залоговом обеспечении, что едва не погубило весь план ЕС по спасению евро. «Мы напуганы до смерти, — сказал один из членов этого убежденно проевропейского кабинета министров. — Единственный способ бросить вызов популистам — это в точности их копировать»⁵.

В результате возник разрыв между тем, что многие ведущие проевропейские политики, по их мнению, должны делать, и тем, что, по их же мнению, они смогут «продать» населению. Поэтому они спешно подготовили пакет неадекватных решений: стресс-тесты, которые не вызывают доверия; механизм кредитования, работу которого тормозят строгие правила; выпуск облигаций, которые представляют собой не совсем евробонды. Эти решения далеко не соответствовали тому, что требовалось для выхода из кризиса, но поскольку это все, что удалось пропихнуть через лазейки в Лиссабонском договоре, оказалось, что одновременно это и максимум политически возможного.

Проблема эффективности: четыре Европы или одни похороны

Учитывая политические ограничения, с которыми им приходится сталкиваться в своих странах, европейские лидеры сосредоточили усилия на преодолении институционального кризиса, возникшего вслед за мучениями евро, вместо того чтобы отвечать на политические вызовы. Намечаются четыре способа решения, основанные на опреде-

ленных процедурных подходах: асимметричная интеграция в обход, но без нарушения существующих соглашений; меньшая по размерам, но более интегрированная еврозона на основе существующих договоров; политический союз с внесением изменений в договоры; и, наконец, соглашение между странами нового авангарда еврозоны путем подписания договора наподобие шенгенского. Любой из этих четырех вариантов радикально изменяет политическую и институциональную ситуацию, которую сегодняшняя Европа унаследовала от Маастрихта. Каждый из них имеет свои преимущества и свои недостатки. Но какой бы из четырех вариантов в конечном счете ни выбрала Европа, задача будет заключаться в том, чтобы решить острый кризис евро без обострения хронического кризиса, связанного с ослаблением европейского могущества.

АСИММЕТРИЧНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ Первый вариант — это продолжать ныне существующую практику поэтапных решений без изменения европейского соглашения, при определении повестки дня опираясь на Совет Европы, то есть на национальных лидеров (в противовес Европейской комиссии), создавая новые межправительственные механизмы финансирования, такие как Европейский фонд финансовой стабильности (*EFSF*) и его преемник Европейский стабилизационный механизм (*ESM*) (чтобы избежать нарушения «невыкупной статьи»); поощряя покупки облигаций Европейским центральным банком (чтобы избежать трудностей, связанных с запросом о разрешении на каждый транш для поддержки правительств-должников); создавая иные схемы, например, так называемый пакет из шести законодательных предложений, для того чтобы тщательно проверять государственные финансы стран-участниц и принимать меры до того, как возникнет

дисбаланс; и используя Международный валютный фонд (МВФ) для соблюдения мер жесткой экономии.

Не совсем ясно, в какой форме в дальнейшем будет реализоваться эта модель поэтапных изменений, но уже очевидно, что она резко отличается от традиционной концепции европейской интеграции в двух отношениях. Во-первых, подобные мозаичные меры, принимаемые частично в рамках соглашений ЕС, частично вне этих рамок, на практике ограничивают возможности Европейской

законах, к Европе, основанной на силе. Член Европарламента Эндрю Дафф даже утверждает, что подобная модель угрожает превратить периферийные страны в «спутники Германии»: «Действительно существует риск чрезмерной централизации национальной политики вокруг требований Германии, связанных со штрафными санкциями, необходимыми для восстановления более слабых экономик еврозоны. [...] Дело в том, что сама по себе координация экономической политики не является федеральным решением и вряд

“В условиях новых межправительственных механизмов право голоса зависит от финансового взноса, а здесь вес у Германии наибольший”.

комиссии и Европарламента. Тот факт, что Европейский фонд финансовой стабильности был создан вне рамок действующих соглашений, позволил государствам-участникам обойти «невыкупную статью», содержащуюся в европейских договорах. Но это также означает, что каждое юридическое решение должно быть ратифицировано всеми национальными парламентами, а каждое решение исполнительной власти относительно размещения средств по их прямому назначению должно быть единогласно принято правительствами всех государств. Такое положение дел позволяет популистам-евроскептикам возобновлять борьбу каждый раз, когда возникает новый кризис.

Во-вторых, данная модель возлагает гораздо большую нагрузку на страны с дефицитом, нежели на страны-кредиторы (меморандумы о взаимопонимании, подписанные должниками, бьют непосредственно во все уязвимые точки национального суверенитета — от пенсионного возраста и уровня налогообложения до размеров предприятий и пенсий). Как утверждал Йошка Фишер, создается опасность перехода от Европы, основанной на

ли приведет к непременно жестким и неизбежно непопулярным мерам, которых требуют нынешняя все ухудшающаяся ситуация»⁶.

Подобное развитие событий отражает изменения, происходящие в Германии, которая пересматривает свой традиционный подход к европейской интеграции. На фоне кризиса евро во франко-германском тандеме нарастает дисбаланс в пользу последней. Между тем Германия несколько охладела к Еврокомиссии и стала смещать предпочтительный для нее курс на интеграцию от «метода сообщества» к новому межправительственному «методу Союза». Но прежде всего у Германии постепенно пропадает желание платить за Европу больше, чем другие члены ЕС, притом что ее формальное представительство в Союзе ровно такое же, как и у других крупных государств. В условиях новых межправительственных механизмов, которые разрабатываются вне формальных институтов Евросоюза, право голоса зависит от финансового взноса, а здесь вес у Германии наибольший.

Этот плохо продуманный метод мало того что неэффективен, во многих кругах он

рассматривается еще и как нелегитимный. Некоторые страны-участницы, особенно малые, опасаются, что Еврокомиссия отгесняется на второй план, а граждане не понимают сути подобного соглашения или не уверены, что их голос услышан. Даже в самой Германии многих настораживает перспектива такой неэффективной и явно германизированной Европы, и именно поэтому они призывают к принятию Европейской конвенции о будущем Европы.

УМЕНЬШЕННАЯ ЕВРОЗОНА В сентябре 2011 года, пишет журнал *Spiegel*, министр финансов Германии Вольфганг Шойбле, который, как говорят, сомневается в том, что Греции удастся спасти от банкротства, поручил своим чиновникам начать подготовку сценария по отказу Греции от единой валюты и возвращению ее к драхме⁷. Месяц спустя, на саммите G20 в Каннах, Ангела Меркель и Николя Саркози нарушили табу на публичное обсуждение выхода Греции из зоны евро, сказав, что это может оказаться необходимым для поддержания долгосрочной стабильности еврозоны. После этой встречи французские и немецкие чиновники сообщили, что они работают над планами по сокращению еврозоны, дабы укрепить ее. «Вы по-прежнему будете называть ее еврозоной, но стран в ней будет меньше», — сказал анонимный чиновник, не уточнив, однако, кому придется покинуть зону евро⁸. Члены урезанной еврозоны могли бы быстро объединиться в таких чувствительных областях, как налогообложение корпораций и физических лиц, в то время как то, что осталось от Евросоюза, будет функционировать как «конфедерация», которая в ближайшее десятилетие могла бы расшириться с 27 до 35 стран-участниц.

На пути идеи о создании меньшей по размерам, но более интегрированной еврозоны есть одно юридическое препятствие: в догово-

рах ЕС нет положения о выходе из еврозоны, и пока совершенно неясно, как с этим быть⁹. Но даже если удастся решить этот процедурный вопрос, все же маловероятно, чтобы проведенный в соответствии с установленным порядком выход какой-либо страны из евро не оказал пагубного влияния. Выход будет иметь последствия как для реальной экономики, так и для финансового сектора, причем гораздо более серьезные, чем банкротство *Lehman Brothers*, поставившее мировую экономику на грань новой Великой депрессии. Например, согласно подсчетам *UBS*, слабая евространа при выходе из еврозоны может понести расходы в размере около 10 000 евро на человека в первый год и по 3500 евро на человека впоследствии. Германии выход из еврозоны обошелся бы примерно в 7000 евро на человека сразу и по 4000 евро на человека в дальнейшем. Для сравнения, спасение Греции, Ирландии и Португалии, вместе взятых, в случае дефолта обошлось бы чуть больше 1000 евро на человека¹⁰.

Не ясно даже, сможет ли сам Европейский союз выжить в случае распада еврозоны: некоторые страны, исключенные из новой, «модернизированной» еврозоны, могут образовать свой собственный союз. Но даже если Евросоюз выживет, он во многом утратит свое политическое влияние в мире. Глубокая рецессия немедленно и резко сократит объем средств, которые Европа сможет выделять на военные и миротворческие операции, равно как и на зарубежную помощь в целях развития. Пожалуй, еще более важно то, что этот распад в значительной степени подорвет «мягкую силу» Европы: ведь если европейцы продемонстрируют остальному миру, что они не способны должным образом справляться с собственными внутренними проблемами, трудно представить себе, что мир будет воспринимать их как серьезных игроков, решающих насущные глобальные вопросы.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ПУТЕМ ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАШЕНИЙ Третий сценарий, который Совет Европы теоретически может выбрать, — это смелый шаг вперед, к политическому союзу, путем изменения соглашений. С разных сторон раздавались призывы к проведению мини-конституционного собрания с участием представителей национальных парламентов, национальных правительств и институтов Евросоюза с последующей межправительственной конференцией. Основная цель — включить в европейские соглашения те меры по интеграции, которые были приняты в последние два года. Однако существуют две разные точки зрения относительно того, как далеко стоит в этом заходить. Одни хотят сосредоточиться главным образом на создании институциональной и правовой основы для соблюдения бюджетных правил, а другие — передать Брюсселю дополнительные экономические и финансовые полномочия, в результате чего получившаяся институциональная структура гораздо более будет походить на «финансовый союз» с де-факто министерством финансов еврозоны.

Нынешнее правительство Германии склоняется к первому варианту, предпочитая «союз во имя стабильности» финансовому союзу. Основную задачу оно видит в том, чтобы усилить Пакт о стабильности и росте (*Stability and Growth Pact, SGP*), включив в него «автоматические санкции». Предполагается также назначить «еврокомиссара по стабильности», который был бы уполномочен непосредственно вмешиваться в дела государств, нарушающих договор, и урезать выплаты этим государствам из структурных и других целевых фондов ЕС. Для того чтобы эти меры не выглядели столь уж репрессивными, немецкие христианские демократы предлагают (возможно, в качестве следующего шага) двигаться в направлении политического союза, в котором президент Еврокомиссии будет избираться напрямую,

а Европарламент будет иметь право инициировать законодательные акты. Однако в Южной Европе и даже во Франции это будет воспринято не как «союз во имя стабильности», а как «союз во имя жесткой экономии» с сильной тенденцией к сдерживанию роста.

Другой вариант, который может оказаться более приемлемым за пределами Германии, — это финансовый союз с определенными полномочиями в отношении некоторых расходов и налогов ЕС. Бывший президент ЕЦБ Жан-Клод Трише считает, что еврозона должна стремиться к ситуации, в которой «европейские власти не только имели бы возможность, но в некоторых случаях были бы обязаны напрямую принимать решения»¹¹. В частности, Трише предлагает создать министерство финансов еврозоны, которое осуществляло бы надзор за финансовыми учреждениями и представляло бы еврозону. Некоторые, в том числе министр иностранных дел Франции Ален Жюппе и бывший премьер-министр Бельгии Ги Верхофстадт, призывают к созданию полномасштабных Соединенных Штатов Европы. Другие, такие как Эмма Бонино, предлагают создать «облегченную федерацию», поглощающую не более 5 проц. от ВВП, что в настоящее время составляет около 650 млрд евро (это более-менее совпадает с размером нынешнего фонда помощи)¹².

Однако независимо от того, предпочтет ли еврозона финансовый или политический союз, по-прежнему неясно, должен ли новый договор включать в себя положения об исключении стран из еврозоны и нужно ли распространять его на другие области политики, в частности на внешнюю политику. Этот план также таит в себе серьезные опасности. Например, он может столкнуться с требованиями британцев о репатриации полномочий или может быть отвергнут в ходе референдумов, которые придется провести в некоторых государствах. Учитывая подобные

риски, кто-то может предпочесть четвертый сценарий: межправительственный договор между ведущими странами еврозоны, которые хотят продвигаться вперед по пути дальнейшей интеграции.

ФЕДЕРАЛИЗМ БЕЗ ФЕДЕРАЛИСТОВ Йошка Фишер, давний пропагандист идеи двухскоростной Европы, прогнозирует, что ЕС разделится на авангард (группа евро) и арьергард (остальные члены Евросоюза). «Это формальное разделение коренным образом изменит внутреннюю архитектуру ЕС, — писал он в июле 2011-го. — В условиях расширившегося Европейского союза прежние разделительные линии между Европейским экономическим сообществом, возглавляемым немцами и французами, и Европейской ассоциацией свободной торговли, возглавляемой британцами и скандинавами, появятся снова»¹³. То, что предлагает Фишер, это некое юридически обязывающее межправительственное соглашение, подписанное членами еврозоны и выходящее за рамки договоров ЕС (по той же схеме, что и Шенгенское соглашение о свободном пересечении границ).

Подобное межправительственное соглашение позволит странам-участницам избежать проблем с его ратификацией в 27 государствах-членах ЕС и избавит 17 из них от шантажа со стороны британских евроскептиков, требующих изменения условий членства Великобритании в Евросоюзе. Даже некоторые страны еврозоны, такие как Словакия и Финляндия, могут быть исключены из этого соглашения, если их парламенты откажутся его ратифицировать. Однако парадокс идеи о создании ядра из стран еврозоны — «евроядра» — состоит в том, что в результате получается своего рода федерализм без федералистов: институты Евросоюза, такие как Европейская комиссия, Европейский парламент и Европейский суд (ЕСЖ), могут быть выведены из игры. Более того, многие из

самых проевропейски настроенных стран-членов ЕС, в том числе Польша (которая недавно председательствовала в Евросоюзе), Латвия и Литва, также окажутся на задворках европейской интеграции.

Итак, каждый из четырех путей выхода из институционального кризиса в Европе имеет свои преимущества и свои недостатки. Первый вариант легче всего реализовать, но есть риск, что он не только не поможет разрешить кризис, но и усилит протесты рядовых европейских граждан. Второй вариант, возможно, более жизнеспособный и менее болезненный для граждан таких стран, как Греция, но он может спровоцировать мощную волну паники, которая приведет к краху евро. Третий вариант, казалось бы, представляет собой наиболее полное и долговременное решение создавшейся проблемы, но в нем также заключен очень серьезный риск полного провала, поскольку отказ ратифицировать договор как со стороны парламентов, так и в ходе референдумов может привести к быстрому распаду Евросоюза. Четвертый вариант способен обеспечить нужную конфигурацию еврозоны (в обход сопротивления стран вне зоны евро), но при этом может привести к новому разлому в Европе и постепенной маргинализации самого Европейского союза.

Опасности двухскоростной Европы

Ангела Меркель заявила, что распад зоны евро будет означать конец Европейского союза. С другой стороны, как утверждает Вольфганг Мюнхау, спасая евро, тоже можно разрушить Евросоюз. Эта опасность отчасти институциональная: формирующееся внутреннее ядро нарушает некоторые элементы консенсуса, благодаря которому ЕС функционировал в последние годы. Оно оттеснило Еврокомиссию на второй план, наделило большими полномочиями и кооптировало Европейский совет, назначив Жана-Клода

Юнкера председателем Еврогруппы, кроме того, все действия предпринимаются с согласия франко-германского тандема, который не в полной мере отражает интересы малых стран-участниц или стран с дефицитом платежного баланса.

В то же время опасность двухскоростной Европы связана и с политической стороной дела. «Евроядро» неизбежно будет выступать как единое целое и внутри ЕС, и за его пределами. Например, вполне вероятно, что, договариваясь о едином рынке финансовых

свою миграционную политику. Как утверждает Дэвид Милибэнд, в двухскоростной Европе возникнет дисбаланс по экономическим вопросам, таким как свободная торговля и единый рынок, а также по внешнеполитическим вопросам, таким как отношения с Россией¹⁴.

Это, в свою очередь, создает риск распада Европейского союза на неформальные или даже на формальные альянсы, а также грозит началом геэкономической борьбы за власть внутри него. Так, уже имеет место

“Евросоюзу будет трудно наращивать свой потенциал на международной арене, если будут исключены из «ядра» такие страны, как Великобритания и Польша”.

услуг, «евроядро» сначала согласует свою единую позицию и только после этого продолжит переговоры с десятью государствами за пределами еврозоны. Если внутреннее ядро европейских государств выдвинется вперед, то не вошедшие в него государства будут серьезно обеспокоены тем, что контроль в ключевых стратегических областях, таких как единый рынок, общая торговая политика и общий бюджет, уже не осуществляется всеми 27 странами, а перешел к «евроядру».

Также возникают большие сомнения относительно влияния двухскоростной Европы на два других крупных проекта интеграции: общее судебное пространство и единую внешнюю политику. Например, Евросоюзу будет трудно наращивать свой потенциал на международной арене, если такие геополитически мощные страны, как Великобритания и Польша, будут исключены из «ядра». Столь же глубокими могут быть последствия в сфере правосудия и юридических вопросов. Некоторые страны Шенгенского соглашения могут быть исключены из «евроядра», но вполне возможно, что страны, вступившие в финансовый союз, захотят объединить и

частичная координация действий между польским руководством, Данией, Швецией и Великобританией. Некоторые полагают, что государства, оставшиеся вне еврозоны, организуют «не-еврогруппу» (*Non-Eurogroup, NEG*), которая будет избирать своего председателя и проводить собственные саммиты для того, чтобы защитить себя от дискриминации (в частности, чтобы в будущем обеспечить представителям стран, не входящих в зону евро, возможность занимать посты председателей Евросовета и Еврокомиссии)¹⁵. Однако, если только еврозона не поведет себя агрессивно, маловероятно, что эта группа — включающая в себя и такие страны, как Польша, которая хотела бы когда-нибудь присоединиться к зоне евро, и такие как Дания, которая еще не решила, стоит ли это делать, и такие как Великобритания, которая вряд ли перейдет на евро в обозримом будущем, — объединится в коалицию с общими интересами. Но единства нет не только среди стран вне зоны евро, но и в самой еврозоне: так, недавно министр одной из стран еврозоны в частной беседе сказал, что «страны, которые мы хотели бы видеть в еврозоне, такие как Швеция и

Великобритания, в нее не входят, а те, которые мы не хотели бы в ней видеть, входят».

Чтобы избежать распада ЕС, необходимо уделять должное внимание отношениям между группами «17» и «10», а также управлению еврозоной. Очень важно разработать и критерии членства, которые должны быть открытыми, чтобы другие страны могли присоединиться к зоне евро в любое время, если и когда они этого пожелают и будут к этому готовы (многие восточноевропейские государства хотели бы убедиться, что они действительно имеют возможность присоединиться к зоне евро, если будут удовлетворять соответствующим критериям). Необходимо также предусмотреть возможность поглощения «евроядра» более широким объединением на более поздней стадии¹⁶. Наилучшим результатом было бы формирование двухскоростной Европы в рамках существующих договоров в соответствии с положениями об «укреплении сотрудничества». Это позволило бы странам, не входящим в зону евро, оставаться в пространстве, где происходят дискуссии, и исключило бы официальную возможность обсуждать вопросы, попадающие в сферу действия существующих договоров, без их участия, только в рамках «евроядра». Такая конфигурация позволит поддержать проект смешанной Европы с изменяемой геометрией, а не двухскоростной Европы с государствами первого и второго сорта.

Прежде всего европейские лидеры должны достичь нового, четкого соглашения между странами с профицитом и дефицитом бюджета, а также между северными и южными и между восточными и западными странами-участницами. Это соглашение должно не только примирить страны еврозоны со странами вне зоны евро, но и обеспечить необходимый баланс между строгой экономией и бюджетными трансферами, между либерализацией и социальной защитой, а также опре-

делять способы передачи денег от остального мира в восточные и южные районы. В результате такого рода соглашения многим национальным лидерам придется признать, что достижение консенсуса относительно того, как еврозона и ЕС смогут функционировать в будущем, — в их собственных национальных интересах. Им придется договориться о концепции, которая представлялась бы справедливой всем странам-участницам, а не воспринималась бы как наказание той или иной страны.

Отказ от односкоростной модели не только создает определенные угрозы, но и открывает возможности. Расширение нынешнего Евросоюза приостановилось. Но в менее однородной и многоскоростной Европе могут реализоваться новые пути интеграции Турции или Украины (хотя Турция не будет в восторге от второсортного членства, не включающего в себя безвизовый режим). Но какой бы из институциональных вариантов ни выбрали европейские лидеры, вряд ли им удастся преодолеть разрыв между Европой и ее гражданами (на самом деле он может, наоборот, лишь усугубиться), если они не изменят содержание и форму европейской интеграции.

Проблема легитимности: как устранить отчужденность Европы от ее граждан

Европейский союз столкнулся с парадоксом. Он утратил легитимность, поскольку его лидеры не могут действовать. Но причина того, что они не могут действовать, в свою очередь, заключается в том, что Евросоюзу не хватает легитимности. Уже в течение трех десятилетий идут дискуссии о «дефиците демократии» в ЕС. Но если описывать проблему легитимности в Европе более точно, следовало бы сказать, что в ЕС всегда наблюдался избыток демократии при обсуждении технократических проблем, которые не привлекали внимания избирателей, и

нехватка ее при рассмотрении принципиальных вопросов, которые как раз и могли бы заинтересовать граждан. В распоряжении граждан Европы много способов выразить свое мнение: это выборы национальных лидеров, которые представляют их в Европейском совете, общеевропейские выборы в Европейский парламент, а в некоторых странах — даже референдумы о ратификации новых договоров. Но большая часть попыток привлечь избирателей все же связана с процедурными вопросами, такими как изменения договоров, а не с политическими решениями, которые приходится принимать Евросоюзу.

По мере того как нарастает кризис евро и звучат предложения о более масштабной европейской деятельности, интерес к обретению демократического мандата возобновляется. Люди призывают к укреплению всех трех традиционных каналов демократического участия — общеевропейских выборов, референдумов и возможности неучастия на уровне государств (*opt-outs*). Но отнюдь не очевидно, что какой-либо из этих каналов обязательно обеспечит Евросоюзу необходимую легитимность. И каждый из них, как это ни парадоксально, может сделать Европу еще менее управляемой.

ИЗБРАНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ Правящая в Германии партия христианских демократов недавно одобрила документ, призывающий к прямым выборам президента Европейской комиссии и позволяющий Европейскому парламенту делиться правом инициативы с Еврокомиссией¹⁷. Другие — в том числе председатель группы по анализу возможных перспектив и путей развития Евросоюза (*Reflection Group on the Future of Europe*) Фелипе Гюнсалес — предложили избрать следующего президента Комиссии из транснационального списка на общеевропейских выборах 2014 года¹⁸. По мере продвижения ЕС к более

жестким финансовым правилам и контролю за национальными бюджетами (так называемые «Европейские семестры») многие призывают наделить Европарламент формальными полномочиями при подписании национальных бюджетов, наряду с Еврокомиссией и странами-участницами¹⁹.

Разумным обоснованием для таких мер служит тот факт, что они могли бы помочь Евросоюзу выйти из институционального тупика, показать необходимость реформ и повысить легитимность ЕС, предоставляя возможность реального обсуждения европейских идей. Тем не менее Европарламент упорно отказывается вести себя в соответствии с ожиданиями своих сторонников. Хотя он зарекомендовал себя как эффективный контрольный орган, обеспечивающий подотчетность европейской исполнительной власти, вряд ли можно всерьез полагать, что он обладает легитимностью или возможностью формировать повестку дня для Европы. С каждым последующими выборами уровень явки избирателей падает, и европейские выборы скорее превращаются в референдумы по внутригосударственным вопросам, нежели предоставляют реальную возможность для обсуждения будущего Европы.

В результате главный вопрос, который возникает во время общеевропейских выборов, хотя бы люди, чтобы ЕС вообще существовал (каждый пятый член Европарламента, избранного в 2009 году, в отдельных вопросах придерживался позиции евроскептицизма). Сторонники парламента утверждают, что с большими полномочиями придет и большая легитимность. В действительности же явка падает с каждым последующими выборами даже при том, что полномочия парламента расширяются. Учитывая подобные «достижения», а также общий кризис, который переживает представительная демократия даже на уровне отдельных государств, пока нет уверенности, что ныне

Таблица 1

ТРЕБОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО РЕФЕРЕНДУМОВ В СТРАНАХ—ЧЛЕНАХ ЕС		
СТРАНА	ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ	ТРЕБОВАНИЕ ЗАКОНА
Австрия		ХК
Бельгия		
Болгария		
Великобритания	•	X
Венгрия		
Германия		
Греция		
Дания	•	X
Ирландия	•	X
Испания	•	ХК
Италия		
Кипр		
Латвия		
Литва		ХО
Люксембург	•	
Мальта		
Нидерланды	•	
Польша	•	ХО
Португалия	•	
Румыния		
Словакия		
Словения		ХК
Финляндия		
Франция	•	ХК
Чешская Республика	•	ХК
Швеция		ХК
Эстония		

© Ника Прислан (Nika Prislan)

• = Референдум по европейской конституции проведен или должен быть проведен

X — референдум требуется по закону; ХК — референдум требуется по закону, только если изменения в соглашении затрагивают конституционную поправку; ХО — референдум требуется по закону, только если изменения в соглашении затрагивают основополагающие принципы конституции

существующая тенденция изменится, даже если связать европейские выборы с избранием президента Комиссии. Самый существенный вопрос заключается в том, возможны ли когда-нибудь общие дебаты по поводу будущей конфигурации Европы при отсутствии общего языка и общих средств массовой

информации. Это обстоятельство побуждает ряд деятелей, в частности Йошку Фишера, выступать за увеличение роли национальных парламентов, а не Европарламента.

РЕФЕРЕНДУМЫ Георгиос Папандреу первым предложил (а затем, под давлением Парижа

и Берлина, снял свое предложение) провести референдум по разработанному им общенациональному плану жесткой экономии. Он утверждал, что это дало бы ему непосредственные полномочия на проведение мер жесткой экономии и позволило бы требовать соблюдения дисциплины и от собственной партии, которой грозит распад, и от оппозиции. Контраргументом «Франкфуртской группы» стало то, что какофония национальных референдумов пугает рынки и помешает Европейскому союзу вообще принять какие-либо решения. Хотя цель состояла в том, чтобы избежать дальнейших проволочек, сильное давление на Папандреу со стороны Парижа и Берлина создало впечатление, что ЕС настолько боится общественного мнения, что будет подавлять его любой ценой (и кроме того, что мнение государственных кредиторов имеет больший вес, нежели мнение государств-должников).

Тем не менее избежать референдумов в будущем невозможно. Хотя лидеры еврозоны надеются, что в десяти странах вне зоны евро референдумов не будет, некоторые из 17 стран еврозоны, такие как Ирландия, по закону обязаны проводить у себя референдумы по вопросам, связанным с передачей суверенитета (см. таблицу 1 на с. 28). Однако шести государствам—членам еврозоны, в 2005 году обещавшим своим гражданам провести референдум о дополнительных изменениях в так называемой европейской конституции, будет с политической точки зрения сложно отказать своим избирателям в праве выразить свое мнение по поводу гораздо более серьезных шагов, направленных на создание финансового союза. Проблема в том, что референдумы по договорам — сложным документам, обсуждение которых ведется европейскими дипломатами вне рамок политического процесса, — не позволяют гражданам и политическим партиям громко заявлять о серьезных политических разногласиях относительно будущего облика

Европы. Консультации с гражданами по вопросам будущей институциональной формы ЕС — это технократический подход к демократии. И вовсе не удивительно, что граждане отвечают на это поддержкой популистов.

ВОЗМОЖНОСТЬ НЕУЧАСТИЯ (OPT-OUTS) ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ Один из способов, с помощью которого Евросоюзу удастся избежать полного неприятия, — это проявление гибкости вместо навязывания непопулярных мер не желающим этого партнерам. Дебаты о возможности неучастия и пересмотре условий членства в настоящее время активнее всего идут в Великобритании, где группа из 81 депутата-консерватора наперекор партийной линии потребовала провести в октябре 2011-го референдум по вопросу о членстве в ЕС. Дэвид Кэмерон пообещал пересмотреть «баланс полномочий» между Великобританией и ЕС и сказал, что поддержит изменения в европейском соглашении в обмен на определенные уступки со стороны ЕС. Многие члены правящей консервативной партии втайне надеются, что попытки правительства внести изменения в существующие соглашения ни к чему не приведут и повлекут за собой референдум по вопросу о членстве в ЕС с последующим полным выходом Великобритании из Европейского союза.

Между тем возможности неучастия требуют не только Великобритания. На самом деле идея о возможности сделать исключение для той или иной страны всегда была центральной и прежде при достижении согласия по европейской интеграции. Так, Дания добилась отказа от соблюдения общих правил в трех областях (евро, оборона, а также юстиция и внутренние дела), Ирландия получила отдельный протокол после своего «нет» по поводу Лиссабонского договора, Словакии разрешили не оказывать помощь Греции, а Финляндии были предоставлены заложенные гарантии в обмен на ее помощь.

Продвижение к более глубокой финансовой интеграции может спровоцировать целый поток требований о возможности неучастия со стороны государств-евроскептиков (в том числе и со стороны шести стран еврозоны, которые беднее Греции и, возможно, захотят ограничить свои обязательства). Но если каждая страна будет выбирать конфигурацию Европы по своему вкусу, то станет невозможно сохранить достаточно сильное ощущение общей цели, необходимое для выживания Европы.

Даже если удастся придать европейской интеграции большую легитимность, не лишив при этом Евросоюз управляемости, этого недостаточно, чтобы сдержать волну популизма. По мнению директора-распорядителя МВФ Кристин Лагард, кризис приведет к «потерянному десятилетию» в том, что касается падения зарплат и роста безработицы в странах ЕС²⁰. Будучи регионом, гораздо более открытым для торговли и перемещения людей по сравнению с другими, в ситуации, когда в недавно возникших и развивающихся странах усиливается протекционизм, еврозона после кризиса 2008 года затратила непропорциональные суммы на урегулирование: это единственный крупный экономический регион, в котором не было проведено смягчение кредитно-денежной политики. Таким образом, лучшим способом восстановить доверие и остановить волну дезинтеграции, уже выплескивающуюся за пределы валютной зоны на остальную часть ЕС, была бы разработка политических, а не институциональных ответов на доводы популистов.

Итак, Европейский союз должен принять прогрессивную политическую программу, ориентированную на интересы простых граждан в той же степени, что и банкиров. Объединяться нужно для развития, а не для введения режима строгой экономии. Наряду с принятием мер по повышению конкурентоспособности, необходимо изменить поло-

жения Пакта «Евро-Плюс» (*Euro-Plus Pact*) в отношении государственных финансов, что позволит инвестировать на социальные нужды, реформировать бюджет ЕС с возможностью его корректировки и поставить получение денег в зависимость от проведения соответствующих реформ. Евросоюзу также необходимо решить проблемы управления миграцией, в частности приняв более согласованные меры по охране внешних границ и договорившись о распределении миграционной нагрузки. И наконец, чтобы ЕС мог иметь дело с другими великими державами, например с Китаем, а не просто играть роль канала для глобализации, он должен проводить согласованную внешнюю политику.

Как избежать распада Европы

По словам Яна Зелонки, «у нас множество книг по вопросам европейской интеграции, но почти нет книг о дезинтеграции»²¹. Он выделяет три возможных пути к краху Европейского союза: недостаточно активные действия, отказ от значительного рывка вперед и процесс, который он называет «замаскированным распадом», когда лидеры Евросоюза сохраняют евро, но в результате разрушают ЕС. По мнению Джорджа Сороса, ЕС представляет собой «прекрасный пример процесса подъема и спада в политике», когда сначала идет самоукрепление, а затем саморазрушение²². Он имеет в виду, что пока единая европейская валюта создавалась, она сама формировала среду, благоприятствующую политической и экономической интеграции, теперь же, когда она переживает кризис, образуется среда, способствующая дезинтеграции и на рынках, и в сфере национальной политики.

Кризис в Европе лишил национальные правительства удобной возможности прятаться за спины слабых лидеров в Брюсселе. Они слишком долго пытались сохранить неустойчивый статус-кво вместо того, чтобы

обратить внимание на изъяны объединенной Европы и разработать план, как их устранить. Теперь, чтобы избежать развала Европы, им придется в корне переосмыслить европейскую концепцию, одновременно учитывая и кризис эффективности, и кризис легитимности. С самого начала европейская

интеграция развивалась под воздействием постоянно возникающих кризисов. Но чтобы эти кризисы становились источниками энергии, а не вызвали паралич, необходимо адекватное политическое руководство. Время консерватизма прошло, наступило время обновления. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Soros G.* Does the Euro Have a Future // *New York Review of Books*. 2011. Vol. 58. No. 15 (Oct. 13, 2011) (<http://www.nybooks.com/articles/archives/2011/oct/13/does-euro-have-future/>).

² *Kundnani H.* The European “Clash of Civilizations” // *ECFR Blog*. 2011. 22 Aug. (http://ecfr.eu/blog/entry/the_european_clash_of_civilisations/).

³ *Grant C.* Marine Le Pen and the Rise of Populism // *Centre for European Reform*. 2011. 20 July (<http://centreforeuropeanreform.blogspot.com/2011/07/marine-le-pen-and-rise-of-populism.html>).

⁴ *Barber T.* Europeans Clutch at Technocratic Fixes // *Financial Times*. 2011. Nov. 9. (<http://www.ft.com/cms/s/0/abccdedc-0ae3-11e1-b9f6-00144feabdc0.html>).

⁵ Если не оговорено иное, цитаты взяты из интервью с автором.

⁶ *Duff A.* Federal Union Now: The Federal Trust. 2011 (<http://www.fedtrust.co.uk/admin/uploads/federal-union-now-book.pdf>).

⁷ *German Finance Minister Prepares for Possible Greek Bankruptcy* // *Spiegel Online*. 2011. Oct. 9 (<http://www.spiegel.de/international/europe/0,1518,785482,00.html>).

⁸ *Toyer J., Bredhardt A.* French and Germans Explore Idea of Smaller Euro Zone // *Reuters*. 9 Nov. 2011 (<http://www.reuters.com/article/2011/11/09/us-eurozone-future-sarkozy-idUSTRE7A85VV20111109>).

⁹ *Athanassiou Ph.* Withdrawal and Expulsion from the EU and EMU: Some Reflections. *European Central Bank: Legal Working Paper Series*. 2009. No. 10. Dec. (<http://www.ecb.int/pub/pdf/scplps/ecblwp10.pdf>).

¹⁰ *Eurozone: Where Next?* // *UBS Investment Research*. 26 Sept. 2011 (<http://www.scribd.com/doc/66461792/xrm45376>).

¹¹ *Tomorrow and the Day after Tomorrow: A Vision for Europe* // *Speech by Jean-Claude Trichet at the Humboldt Univ., Berlin, 24 October 2011* (<http://www.ecb.int/press/key/date/2011/html/sp111024.en.html>).

¹² *Bonino E.* The Euro Will Be Saved Only if Europe Exists // *European Council on Foreign Relations*. 9 Dec. 2010 (http://ecfr.eu/content/entry/commentary_the_euro_will_be_saved_only_if_europe_exists/).

¹³ *Fischer J.* Europe’s Sovereignty Crisis // *Project Syndicate*. 31 July 2011 (<http://www.project-syndicate.org/commentary/fischer64/English>).

¹⁴ *Miliband D.* Don’t Split Europe; Make It Stronger // *Financial Times*. 2011. Nov. 14 (<http://blogs.ft.com/the-a-list/2011/11/14/dont-spliteurope-make-it-stronger/#>).

¹⁵ *Owen D., Marsh D.* It’s Time for a Radical Blueprint for a New Europe // *Financial Times*. 2011. Oct. 10 (<http://www.ft.com/cms/s/0/3dbadbda-f32b-11e0-8383-00144feab49a.html#axzz1d1wXsKYm>).

¹⁶ *Kurpas S., Clerck-Sachsse J. de, Torreblanca J. I., Ricard-Nihoul G.* From Threat to Opportunity: Making Flexible Integration Work // *EPIN Working Paper 15*. 2006. Sept. (<http://www.ceps.eu/files/book/1380.pdf>).

¹⁷ См. резолюцию конференции ХДС 13–15 ноября 2011 года (<http://www.leipzig2011.cdu.de/images/stories/docs/1111114-beschluss-europa.pdf>).

¹⁸ Испанский чиновник характеризует это как завуалированный захват полномочий Германией: каждый восьмой член Европарламента – от нее (по сравнению с одним из 27 комиссаров).

¹⁹ *Marzinotto B., Wolff G. B., Hallerberg M.* How Effective and Legitimate Is the European Semester? Increasing Role of the European Parliament. *Bruegel*, 2011. Sept. 22 (<http://www.bruegel.org/publications/publication-detail/publication/612-how-effective-and-legitimate-is-the-europeensemester>).

increasing-role-of-the-european-parliament/).

²⁰ *Beattie A., Masters B.* Fears Grow over Global Euro Effect // *Financial Times*. 2011. Nov. 9 (<http://www.ft.com/cms/s/0/e6dab292-0a2f-11e1-92b5-00144feabdc0.html#axzz1e3KF1gFF>).

²¹ *Zielonka J.* Marching towards Disintegration

// *European Council on Foreign Relations*. 3 Oct. 2011 (http://ecfr.eu/content/entry/commentary_marching_towards_disintegration).

²² Transcript of Remarks by George Soros. *Central European Univ., Budapest*. 3 Nov. 2011 (<https://www.ceu.hu/soros-transcript-nov3-2011>).